

Д. В. Соколов

ЗАТОПЛЕННЫЙ МИР КОЙСУБУЛИНЦЕВ: ЭЛЕКТРИЧЕСТВО В ОБМЕН НА АБРИКОСЫ

Унцукульский район расположен в центральной части Дагестана и граничит с Буйнакским, Левашинским, Гергебильским, Хунзахским и Гумбетовским районами республики. Площадь территории — 560 км². Район образован 23 января 1935 г. в результате разукрупнения Аварского округа и Койсубулинского района. Численность населения района составляет 27 460 человек, в основном аварцы (97,05 % по итогам переписи населения 2002 г.).

В состав района входят 12 муниципальных образований. Большинство джамаатов¹ района ранее входили в состав Койсубулинского вольного общества, известного своей борьбой с Хунзахским ханством еще в XVII—XVIII вв. и активной поддержкой имама Шамиля в его борьбе с Российской империей в XIX в. Сам Шамиль — выходец из селения Гимры Унцукульского района.

Основным источником дохода койсубулинцев было садоводство [Османов 2002]. В Гимрах, Балахани и Зирани, например, созревали самые ранние в Дагестане абрикосы, знаменитые гимринские груши, «японская» хурма. Строительство Ирганайской ГЭС и затопление более 400 га садов и жилых кварталов водами Ирганайского водохранилища нанесли садоводству и сложившемуся десятилетиями, если не веками, укладу жизни серьезный удар. Удар этот был не только прямой — потеря садов, которую невозможно восполнить из-за отсутствия земель, и изменение микроклимата², — но и косвенный. Манипуляции с компенсациями и развернувшаяся вокруг них политическая борьба не только существенно трансформировали хозяйственные стра-

---

¹ Под джамаатом здесь понимается вся сельская община, если говорить в современных терминах — население муниципального образования, поддерживающее всю совокупность формальных и неформальных локальных институтов.

² По мнению местных жителей и некоторых экспертов, в результате создания водохранилища фрукты стали, во-первых, созревать на две недели позже, во вторых, чаще болеть.

тегии домохозяйств, но изменили политические и социальные практики, стимулировали возникновение локального рынка насилия³ и активизацию новых политических субъектов, ориентированных на этот рынок.

Вторая проблема для садоводов — транспортная доступность. Абрикосы — скоропортящийся товар, который может выдержать полутора-двухчасовой путь до рынка, но шесть часов в дороге — это уже слишком много, фрукты портятся.

В Унцукульский район Дагестана из Махачкалы можно попасть либо через Буйнакск и Гимринский тоннель, тогда дорога занимает час-полтора, либо в объезд, через Карабудахкент, Гергебильский район, повернув направо в районе «Красного моста», около строящейся Гочатлинской ГЭС, либо через Ботлих. Это три-четыре часа на грузовом автомобиле. В последние годы и Гимринский тоннель, и участок дороги около «Красного моста» были закрыты на ремонт, приходилось добираться кружным путем, дорога занимала 6—8 часов.

Кроме затопления садов и перекрытия туннеля есть еще один фактор, повлиявший на деградацию горного садоводства. Это — глобальный рынок, который вытесняет местные продукты не только с полок гипермаркетов, но и из рациона сельской семьи.

Глобализация рынка, осложнившая сбыт продукции садоводов, транспортные проблемы, затопление садов, злоупотребления при начислении и выплатах компенсаций, война в Чечне, в которой приняли участие некоторые выходцы из района, создали социальный и политический контекст, отличающийся от соседних территорий республики. В этом контексте миграционные процессы и трансформация сельской общины, происходящие повсеместно в Дагестане (см.: [Карпов, Капустина 2011; Бобровников 2002; Северный Кавказ 2011]), в Унцу-

---

³ «Рынок насилия» — совокупность:

1. правил игры, регулирующих борьбу за статусные ренты и «практики продажи безопасности»;
2. субъектов (военных профессионалов) вооруженной борьбы за ресурсы и статусы, «продающих» на этом рынке безопасность, в том числе и от самих себя;
3. субъектов, формирующих спрос на физическую безопасность и защиту имущества.

Практики продажи безопасности — различные виды «крышевания», обеспечение физической защиты, откуп от преследования правоохранительными органами или НВФ (неформальными вооруженными формированиями), манипуляции с заложниками и т. д.

Одна из относительно «свежих» практик — «посылание флешек», когда предприниматель или чиновник получает посылку — флеш-карту с видеозаписью, на которой *амир* (военный предводитель группы НВФ) в том числе и с помощью угроз пытается убедить адресата платить *закят* (определение автора).

кульском районе обрастают драматическими особенностями. Это социально-политические конфликты, криминализация или маргинализация некоторых групп населения, многочисленные убийства чиновников, общественных и религиозных деятелей, членов НВФ, систематическое противостояние джамаатов таких селений как Гимры или Балахани и правоохранительных органов республики, радикализация некоторых религиозных общин. В предлагаемом тексте осуществляется попытка описать этот особый институциональный контекст Унцукельского района, что важно для понимания того, почему трансформация сельских общин, даже сходных по своему укладу, имеет такие разные социальные, экономические и политические последствия.

В предлагаемой вниманию читателя статье автор не будет углубляться в интерпретацию насильственных практик, но, как кажется, полезно предварить дальнейшее изложение цитатой из интервью одного муниципального чиновника из горного села:

Например, *тухум*⁴ из 6—8 братьев. Если один из братьев даже бандит и другие с ним не согласны, они все равно будут защищать его от других, особенно если это несправедливое преследование. В селении все друг друга знают. У каждого может быть своя позиция в религии или в чем-то еще, но если он увидит обиду своему близкому — он начнет за него мстить. Сколько «федералы» этим занимаются — еще больше усиливается (сопротивление). Если бы они по закону, гуманно работали бы — не было бы так! Не обязательно государству убивать человека, это же не проблема, почему бы его с толком не использовать. Если пытаются, то люди предпочитают умереть [ПМА 2012].

Миграционный резерв гор?

Горы Дагестана в последние годы стремительно теряют население.

Суровые условия жизни в горах и отсутствие работы стали существенным выталкивающим фактором для горского населения, а современные средства коммуникации, экономическая и социальная глобализация ускорили и трансформацию общественных отношений, и, как следствие, миграцию горского населения «на плоскость» и стремительную урбанизацию⁵ в республике. Развитие промышленности, затем торговли и сферы услуг и формирование соответствующих рабочих мест в городе выступили важным фактором привлечения мигрантов из сельской местности. Многие горцы устремились искать счастья

---

⁴ Тухум — единица «родовой» организации дагестанской сельской общины, иначе — семейно-родственная группа.

⁵ По разным оценкам, около половины населения Дагестана проживает в городах и городских агломерациях.

в города республики и других регионов страны, особенно в Махачкалу. Например, селение Согратль в Гунибском районе насчитывает не более 300 домохозяйств, постоянно находящихся в самом селении. Зато выходцев из Согратля в одной только Махачкале около 1000 семей [Северный Кавказ 2011; ПМА 2010—2011]. Большинство цумадинцев переселились на равнину за последние 15 лет (из 130 тысяч выходцев из района в горах, по разным оценкам, осталось 15—20 тысяч). При этом зона расселения выходцев из Цумадинского района включает в себя не только Махачкалу и ее пригороды, где обосновалось несколько десятков тысяч горцев, но и Бабаюртовский, Кизлярский, Тарумовский районы Дагестана, Астраханскую область. Различные целевые программы, в том числе выплаты компенсаций за разрушения во время боевых действий в 1999 г. и в начале 2000-х гг., позволили переселенцам купить «планы»⁶ и недвижимость на «плоскости», в пригородах Махачкалы и других городов Юга России.

На фоне других горных районов, население которых вовлечено в интенсивные миграционные процессы, Унцукульский район отличается относительной стабильностью численности сельских обществ.

В качестве примеров рассмотрим селение Унцукуль, районный центр, Гимры, Майданское, Балахани, Ирганай и поселок строителей ГЭС Шамилькалу.

Унцукуль

По данным районной администрации, в Унцукуле, административном центре района, примерно 2100 хозяйств или 6 тысяч жителей (1979 г. — 3500 человек, 1989 г. — 3900 человек, 2002 — 5500 человек). При этом оценка информантами количества хозяйств, находящихся «на выезде», по сравнению с селениями и районными центрами других районов республики более чем скромная:

У нас много (земляков) в Питере — около 150 хозяйств. (Многие) работают на стройке в Москве, в Подмосковье, в Загорске. Там сейчас идет реконструкция какой-то Загорской ГЭС. В Москве тоже где-то 200—250 хозяйств [ПМА 2011].

Таким образом, за пределами райцентра живет от 10 до 20 % его выходцев, при этом население самого Унцукуля практически не сократилось, рост общего числа унцукульцев обеспечивается, видимо, естественным приростом населения райцентра.

---

⁶ Так на Северном Кавказе называют участок, выделенный под строительство жилья или коммерческого объекта.

В Унцукуле две школы, сельская и районная администрации, районный пенсионный фонд, банк, почтовое отделение, больница, детские сады, лагерь для детского отдыха — то есть рабочих мест существенно больше, чем в других муниципалитетах района. Кроме того, в райцентре больше 100 человек занимаются «унцукульским искусством» — инкрустацией по дереву. Это уникальное прикладное искусство, конечно, не заменяет воинскую часть на 1000 рабочих мест, как в Хунзахе и Арани, с высокой заработной платой, частично оставляемой на рынках и в торговых точках райцентра, но создает дополнительную самобытную экономику.

Гимры

Еще ярче, чем в Унцукуле, «миграционная устойчивость» койсубулинцев проявляется в селении Гимры, втором по размерам и чуть ли не первом по «политическому» значению джамаате в районе. Население около 3,5 тысяч человек, примерно 1180 хозяйств. Вот как оценивает демографическую и миграционную ситуацию директор сельской средней школы:

Где-то на одном уровне... стабильно (держится численность населения). Учеников (в гимринской средней школе) и в этом году будет 517 человек. У нас рождаемость очень хорошая, особенно в последние 10 лет. В этом году у нас будет три первых класса. Где-то 51 или 52 первоклассника. В следующем году, по-моему, будет где-то 60—70, а уже со следующего года уже перекинется за 100 с лишним. В 2004 или в 2005 годах (которые родились), по-моему, там уже 100 с лишним детей.

Никто никуда не уезжает. Между горами... живем... В Махачкале около 30 хозяйств (гимринских) всего. Говорят, было как-то 93... [ПМА 2011].

Многодетность гимринских семей отмечают в окружающих селениях: «После Унцукула крупным селом считаются (Гимры). У них много детей. Самое меньшее — 4—5 детей на семью. Есть и 12 детей» [ПМА 2011].

При этом Гимры объективно находятся в более сложном экономическом положении, чем районный центр, за счет меньшего количества бюджетных рабочих мест:

...У нас же меньше бюджетных рабочих мест, чем в Унцукуле... на сегодняшний день где-то 68 учителей. Всего работников (школы) — 108.

Детский сад тоже есть. Там три группы... около 200 детей... Где-то 40 с лишним (человек)... персонала... Есть сельская участковая больница. Школа, участковая больница и садик. Вот все места в основном, где работают. Средняя зарплата... где-то 5—6 тысяч. Больше нет. С выс-

шим образованием первый год человек приезжает, он получает минимальную заработную плату — 4230 рублей. Из них удерживаются налоги. И где-то 3770 получает, если на ставке работает человек. А со стажем бывает побольше... [ПМА 2011].

Отсутствие достаточного количества бюджетных рабочих мест жители селения Гимры частично компенсируют работой на ГЭС и маятниковой трудовой миграцией.

Распространенные практики трудоустройства в Дагестане таковы, что существенное представительство «гимринского джамаата» среди гидроэнергетиков с большой степенью достоверности можно объяснить «лоббистскими» возможностями джамаата или его отдельных представителей.

Очень много людей работает на ГЭС... Сейчас здесь, по-моему, одна Ирганайская ГЭС, одна организация работает. И там почти (только) наши (сельчане) сейчас работают. Где-то 200 человек там работает.

У нас как раз направление ГЭС в Политехническом (Университете в Махачкале), если заканчивают [ПМА 2011].

Эти лоббистские возможности гимринцев не связаны с заметным политическим ресурсом в республиканской или городской администрации. Выходцы с родины первого и третьего имамов Дагестана, как и в целом из Унцукульского района, очень слабо представлены как в органах государственной власти, так и среди топменеджмента крупных хозяйственных субъектов республиканского значения.

Там (в Махачкале) совсем мало наших. Максимум 30 человек, наверное.

На сезонные работы 20—30 человек уезжают, на стройку. Наша молодежь, 10—15 человек, сейчас в Питере работают. И в Москве тоже есть, на работу ездят. Под ключ сдают (строительные объекты) [ПМА 2011].

Для наших информантов из Гимров и других селений Унцукульского района характерна обличительная позиция по отношению как к чиновничеству, так и к бизнесу, связанному с административным ресурсом.

В Махачкале (у нас, гимринцев) собственности нет: «Это уже дорого. Для этого надо воровать». В открытую (чиновники) воруют, но никто же не садится. В центральной части (России) кто-то садится, а здесь никто не садится [ПМА 2011].

Это противопоставление гимринцев и «хакумата»⁷ нам кажется очень важным для формирования локальной системы убеждений. Тем

---

⁷ Сленговое собирательное название административной элиты района, республики или страны.

не менее социальные лифты, характерные для традиционного общества, сохранились и здесь.

Миграция в другие регионы РФ из селения Гимры тоже незначительна и почти всегда обусловлена родственными связями.

В Саратов в основном девушки (уезжают). Там один постоялец есть, который там живет, наш земляк, односельчанин. Вот одна его родственница устроилась, окончила школу. И она туда зовет их, жить у нее можно. Если честно сказать, одного рода, одного тухума (люди) в Саратове. Там есть вот эта семья. Своих племянниц в основном приглашает туда, и они учатся. Вот такие вещи есть [ПИМА 2011].

Трудоустройство внутри села тоже сопряжено с родственными связями, которые постепенно превращаются в сложные, диверсифицированные патрон-клиентские сети.

По родству, по семейным отношениям — вот так тоже устраиваются на работу.

А вот те, у кого нет родственников, так все бродят. У нас сейчас очень много детей с дипломом [ПИМА 2011].

Если опираться на, конечно, достаточно субъективную реконструкцию расселения выходцев из Гимров за пределами района, получается, что покинули селение не более 5 % хозяйств.

Некоторые эксперты и информанты связывают массовое трудоустройство гимринцев в гидроэнергетике и большие долги за электричество (по данным энергетиков потери в Унцукульском районе составляют от 89 до 91 %), которые МРСК⁸, тем не менее, вынужденно терпит⁹, во-первых, с готовностью джамаата селения Гимры отстаивать свои интересы, во-вторых, с допущенной очевидной несправедливостью по отношению к людям¹⁰ и в-третьих, с тем, что для лиц, принимающих необходимые решения, определяющим является риск «получить флешку»¹¹ от лидеров так называемой «гимринской группы», например от Ибрагима Гаджидадаева. Предметом данного исследования не являются политические, административные и экономические

---

⁸ Межрегиональная сетевая компания по Северному Кавказу, контролирующая сбыт электроэнергии в регионе.

⁹ По данным экспертов, в районе на потери списывается 92 % электроэнергии.

¹⁰ См. ниже — описание затопления садов и манипуляций с компенсациями.

¹¹ «Получить флешку» — распространенная в последние годы в Дагестане и некоторых других республиках Северного Кавказа практика НВФ присылать предпринимателям или чиновникам флеш-карту с записью требования платить *закят* в пользу «леса» (боевиков, находящихся на нелегальном положении).

связи и ресурсы вооруженного подполья. Но, не принимая в расчет деловые и криминальные сети, в которые, как представляется, включены все участники политического рынка и «рынка насилия» в регионе, трудно объяснить уникальную институциональную устойчивость некоторых насильственных практик.

По оценке информантов, около 400 молодых людей в селении Гимры не имеют никаких перспектив трудоустройства, не могут получить землю для строительства домов, поскольку земли просто нет, а значит, они не могут создать семью. Тем не менее активной миграции на плоскость и в города пока не происходит.

Не знаю, уедут или нет. Тут работа еще есть, но плотность населения какая! На каждого в школе или в больнице работу не найдешь. Идут 100 выпускников за год. Они, что ли, будут работать в одной больнице? К примеру. Поступают ведь в медицинский или в педагогический, допустим, 20—30 человек каждый год. По 20—30 человек в одной сельской больнице не смогут на работу каждый год устраиваться. А где-то надо работать [ПМА 2011].

Спасает все то же отходничество, маятниковая миграция.

На заработки тоже выезжают летом и в Питер, и в Москву, на вахте работают по пятнадцать дней, тридцать тысяч — сорок тысяч, это тоже нормально. Например в Загорске, там тоже ребята работают. Там пятнадцать дней работают, потом пятнадцать дней отпуск... На эти деньги строятся [ПМА 2011].

Такое впечатление, что сообщества находятся на переломе. Инерция, отсутствие социальных лифтов и надежда на получение обещанных компенсаций за затопленные земли и дома еще держат людей в горах, но вот-вот все изменится:

Это раньше так было (люди не уезжали на заработки, предпочитали жить со своих садов), а сейчас уже вынуждены. А сейчас вынуждены почему? Все деньги, которые у нас были... сады затоплены, ничего не осталось... потом совхозы, колхозы, которые раньше были, где какой-то заработок имели, их нет. Того количества крупного рогатого скота, которое было раньше, их тоже нет, все уже съели, продали. Сейчас люди выезжают и в Казань, и в Архангельск, на олимпийских объектах работают. И челноки тоже в Турцию, обратно едут, товар возят и прочие вещи [ПМА 2011].

Майданское

Население Майданского примерно 2100 человек. Хозяйства считать трудно, потому что отдельных домов значительно меньше, чем семей:

У нас 852 хозяйства на сегодняшний день. Фактически, с домами — 503 или 504. У отца двое-трое сыновей, у них отдельное хозяйство, но дом-то один. А фактически 503 дома, по-моему... Садоводством занимаются все. Скажем, когда в 95-м г. распределяли земли, у кого была семья — распределяли 30 соток ему. А у кого был возраст выше 18, им выделяли 12 соток. Вот такое было распределение. Где-то так оно и есть. Где-то 15 соток, может, и есть. Не у всех. Скажем, у сына Ахмеда ничего нет... Он живет тем, что отец даст. И у него то же самое, и у него то же самое... [ПМА 2011].

Заполнение Ирганайского водохранилища и затопление садов, домов и приусадебных участков резко изменило контекст земельных отношений:

Здесь (в Майданском) по берегу 14 домов ушло под воду... Их (жителей) тоже переселили сюда (на дальний от берега водохранилища край села). И (жителей тех домов, которые оказались по краю берега и могли быть подмыты), тоже переселили. (Но) переселили как? Прирост населения (не учли). (Получилось два списка — один на момент затопления, а второй — на сегодня). Говорили: «Давай первый список отдадим, их будем защищать, а второй список — потом». Когда дошли до того (второго) списка, (его) уже признать не хотели. Сейчас через суды (вопрос решается). На сегодняшний день создано несколько комиссий (по проверке) этих списков... Эти комиссии в Министерстве юстиции, в правовом управлении президента, в силовых структурах. Все посмотрели папки каждого, там соответствующие документы, что он является переселенцем, что из переселенческой семьи создана семья... Фактически сейчас в районе есть более 600 судебных решений. Общее количество доходит до 1100—1200. Более точно я не знаю. На сегодняшний день эти списки прошли десятки комиссий [ПМА 2011].

В итоге сложилась целая система практик¹² и конфликтов вокруг упомянутых в интервью списков и компенсаций, а в реальности трудовая миграция, пенсии и пособия по инвалидности — вот те инструменты, которые позволяют компенсировать утрату садов и земли под жилую застройку:

(Один) сын в месяц один-два дня (дома бывает), на субботу и воскресенье сюда приезжает. И там (в Махачкале) на стройке работает. Что с образованием, что без образования. С дипломом на черновых работах приходится работать... 30 %, у кого есть возможность из (работоспособного населения). От 20 до 40—45—50 лет... уезжают на заработки. Человек 200—300 — это точно. Кто в Махачкалу, кто в Сочи, кто в Абхазию. В Ростовскую область. В Чечне есть (из Майданского люди). В

¹² Возможно, резкий скачок численности населения в селах Унцукульского района между 1989 и 2011 гг. был обусловлен и составлением списков на компенсацию.

Липецкую область. Куда только не уезжают. Хлеб-то кушать надо. Что ни говори, кушать надо в любом случае. А сейчас наводнили эти самые места, где они работали, вьетнамцами и китайцами¹³... (В Махачкале майданских хозяйств) не больше десяти [ПМА 2011].

При 10—15%-ной трудовой миграции мужчин для Майданского характерна такая же, как и для Гимров, низкая миграция хозяйств в Махачкалу и другие регионы на постоянное место жительства.

Балахани

500—600 домохозяйств, 1250 избирателей, 2300—2400 жителей. Балахани и Майданское — «одни люди»¹⁴, несколько балаханских семей не смогли получить компенсации за затопленные сады и дома Майданского, потому что официально не были зарегистрированы. В Балахани более 500 хозяйств, высокая рождаемость и дефицит земли под строительство домов. Селение находится выше, чем Майданское и Гимры, поэтому многие занимались не только выращиванием, но и перепродажей абрикосов родственникам, живущим в Майданском.

Еще при советской власти там абрикосы выращивали, это давало хороший доход. А сейчас ничего этого нет... не только затопили... при советской власти плоды дорого закупали. С сада можно было на год заработать покушать. А сейчас у нас выращивать яблоки, абрикосы (не так выгодно)... в современных ценах они дешевле. Бывают же ранние сорта, их возили в Россию. У кого не было своих садов и хороших денег — закупали, ездили, продавали. Я тоже ездил в те времена, хорошие деньги зарабатывал на абрикосах. А сейчас едешь — уже таких денег нет. Раньше можно было с тонной поехать, с чемоданом и заработать. А сейчас даже поедешь с камазом — если с хаиром (выгодой) съездишь — то с небольшим, а если с зараром (убытком) — то с большим. Абрикосы — рискованный товар — быстро портится в дороге. В Балахани абрикосы поспевают позднее, оно немножко выше, чем Майданское — на 10—15 дней поздней. (В Майданском) уже успевают созреть и быть проданными, поэтому (балаханские) абрикосы приходится продавать дешевле. А в Моксохе картошка растет и животноводство там [ПМА 2012].

¹³ Разговоры о том, что вьетнамцы и китайцы вытесняют из строительства выходцев из Дагестана, распространены. Даже прораб-аварец, работавший на строительстве башни в «Москва-Сити», предпочитал набирать в свою бригаду китайцев.

¹⁴ «Кроме Балахани у меня (в сельсовете. — Д. С.) есть еще одно селение — Моксох. Там своего сельсовета нет. А Майданское там отдельный сельсовет. Это тоже наше село, наша земля. Просто там в шестидесятых годах построили село. Там до балаханского моста — наша земля. В самом Майданском почти 70—90 % балаханцы» [ПМА 2012].

В Балахани традиционно более развито животноводство, чем в других населенных пунктах района, но и здесь оно сильно пострадало.

Животноводство меньше стало. Когда хаира нету, мясо стало дешеветь — оно меньше стало. При советской власти, например, было около 5000 коз и баранов. Их шерсть оправдывала — зимнее содержание, корм и так далее [ПМА 2012].

Детей много, примерно так же, как в Гимрах. Похоже и трудоустройство.

В основном на учителей учатся. На врачей, зубников. То, что позволяет найти работу в селе. В селе, чтобы зарабатывать, — ничего нет. Чего там жить?! Например, в Махачкале на стройке работают у нас много — на частных предприятиях, которые строят многоэтажные дома. Целое лето работают здесь. А зимой возвращаются в село. У нас был покойный глава администрации, у него было строительное предприятие... Предприятие его осталось. Кто у нас умеет с камнем работать — там и здесь работает. Недавно начали школу строить — появилось немного работы. Иногда частники заказывают строительство домов. Вот так — кому где выгодно, там работает [ПМА 2012].

Во время строительства ГЭС балаханинцы смогли воспользоваться своим «географическим» положением.

Когда ГЭС строили, плотину... у них возможностей не было построить без меня. Там грунт надо было свозить. Земля, грунт наш же — майданский, поэтому они дали мне построить. Создал предприятие ООО «Сулакэнерго» и (работали). Дали работу тогда молодежи тоже. Это не мое предприятие было, а моего двоюродного брата. На нем работал мой сын... На этом наша молодежь хорошо заработала. Но это недолго было — 5—6 месяцев [ПМА 2012].

Высота означает более холодную зиму — поскольку все отопление на электричестве, домохозяйства иногда «нажигают» 5—6 тыс. рублей в месяц, льготных цен, обещанных при начале строительства ГЭС, нет, долги составляют десятки тысяч рублей.

Среди административной элиты республики нет выходцев из Балахани.

Таких богатых выделяющихся людей нет. Среднего уровня есть, а таких, (как министр или олигарх), крупных нет. Есть один в Новосибирске, остался после армии, сравнительно богатый [ПМА 2012].

Одна или несколько организаций занимаются строительством в Махачкале. Приблизительно можно оценить количество молодых людей, нуждающихся в работе и земле под строительство дома, в 200 че-

ловек. И в Балахани создается ощущение, что сообщество находится на переломе. Активный исход еще не начался, но все к этому идет, слишком мало перспектив у людей, особенно у молодежи, и они остаются в родном селении.

Сейчас в основном молодежь сюда (в Махачкалу) уже собирается. Например, в Аракани (соседнее село) молодежи нет, наверное, вообще. Говорят, в школе два ученика было. Такое же село, как у нас. Немножко они культурнее, в основном уже здесь (в Махачкале), наверное, живут. Там же невозможно жить... на нас внимание тоже никто не дает. Надо же государству посмотреть хотя бы на положение людей. Как они живут, как будут кормить свои семьи. Если бы оно смотрело — такого бардака тут не было бы! [ПМА 2012].

Ирганай

Село Ирганай, одно из старейших койсубулинских сел, давшее название и ГЭС, и водохранилищу. По словам председателя сельского муниципального совета Омар-Дибера Магомедовича, сейчас в Ирганае, по прошлогодней переписи, около 2350 жителей, 765 дворов. А в 1977 г., когда начинали строить ГЭС, хозяйств было 336, а населения — 1162 человека. То есть за 30 лет, к моменту затопления, население села выросло в два раза. Особенность Ирганаея в том, что под затопление попало само селение, жители отстроились самостоятельно, а потом оформили дома как государственные.

В Новом Ирганае все дома государственные. Мы построили собственными силами, потом нам это компенсировали в 2003—2005, до 2008 г. Есть еще около 240 молодых семей... которые до сих пор еще не получили компенсации. Обещают, но не знаю, когда будут получать [ПМА 2011].

В старом Ирганае сейчас примерно 220 хозяйств.

На выезде у нас мало (людей) — около 100 хозяйств. Остальные здесь. Около 20—25 (хозяйств в Шамилькале). В Буйнакске у нас мало выходцев — где-то 7 или 8 хозяйств... У нас есть в Кизилюртовском районе селение Стальск, там тоже есть около 20 хозяйств. Остальные в Махачкале. (В Стальске) кто-то там женился... (В общем — один тухум у нас в этом селе). У нас это село самое старое, Ирганай. Основным методом жизнедеятельности у нас было садоводство. По берегу (реки были разбиты сады). Всего у нас по району затапливается где-то 410—420 га садов. Из них 215 — чисто ирганайские. Остальные 1800 га — пашни, пастбища, сенокосы. 85 % наших сельхозугодий, которыми мы питались, 85 % ирганайских садов ушли под воду... Что они нам компенсировали? До сих пор, в восьмом году это хранилище поднялось, есть люди, которые еще копейку не получили за 40 га [ПМА 2011].

Острейший вопрос, связанный с затоплением, как и в селении Гимры, — отсутствие места под строительство жилья.

В данное время, можно сказать, практически приостановлен демографический вопрос. Как? В связи с отсутствием жилплощади для строительства жилья для молодых. Они живут рядом с родителями. С родителями рожать... У нас так не принято. Если нет места... Это же касается демографического вопроса, правильно? [ПМА 2011].

Возможно, ожидаемые выплаты компенсаций являются одним из последних сдерживающих миграцию факторов.

Недавно я был в Махачкале. Я там встретил своего давнишнего знакомого. Он человек в годах. Мы с ним сидели в кафе, пили кофе. Он говорит: «Когда вам было хорошо? Тогда, когда вы жили в старом Ирганае, или сейчас?» Честно говоря, мне такой вопрос никто не задавал.

Казалось бы, люди жили в старом Ирганае. Дома не такие просторные, без канализации, без дорог. Но от нас никто никуда не уезжал. Наоборот, те, кто к нам сюда приезжали, старались оставаться здесь, потому что здесь жить было легко.

Это же наши земли ушли под воду... 636 га. В Москве или в другой части России скажут, что это же очень мало. Но для нас эти земли...

Я вам скажу, как наши предки раньше оценивали земли. Вот небольшие приусадебные участки. На этот участок загоняли скот. И так оценивали. (Сколько стоит поместившийся скот — столько стоит участок).

Что самое главное для человека? Его работа самое главное. Худобно мы там жили. И у каждого человека... Например, у меня лично было 70 больших абрикосовых деревьев. А мне что еще нужно? Я на государственной службе. Я всю жизнь работал в разных местах. Мне это не нужно было. Когда у человека 70 больших абрикосовых деревьев... Можно (было) содержать скот, не покупая со стороны сено. Мы сейчас сено покупаем, привозное сено в Ирганае. 100—125 рублей тюк. По тоннелю 80—85 рублей. Моя соседка позавчера купила за 85. Я могу купить машину. Вот какая у меня стоит — каждый год такую машину могу купить себе. И другие тоже. Но, хорошо, переселили нас сюда. Все эти земли ушли под воду. Сейчас людям почти нечем здесь заняться. Когда государство планирует вот такие грандиозные стройки, (забывают) про людей. У нас и консервный завод был, и совхоз. Люди были чем-то заняты. Работа — это самое главное, и работа была у людей. Сейчас этого нет. Сейчас молодежь с высшим образованием... У нас человек 100, наверное. У меня тоже сын с высшим образованием. Вот недавно защитился, приехал. Он сейчас должен получить диплом энергетика. Без работы сидит. Вот такая молодежь без работы. А что им делать, если у молодого человека нет ни семьи, ни работы... Они тогда в лес пойдут... Если он социально обеспечен, он никуда не пойдет. А дом я могу купить. Если я могу купить каждый год машину, и дом тоже могу купить. Хотя бы не за один год, а за 3—4 года я мог бы себе дом купить.

Но сегодня что получается? Сейчас не решены самые главные вопросы, социальные вопросы Ирганая. Негде строить новое жилье. Просто негде. Просто земель здесь нет. 150—250 заявок на строительство нового жилья. Люди, которые остались в старом Ирганае, остались вот по какой причине. Нам вот здесь, в новом Ирганае, должны были сделать 66 га на строительство. 10 га на перспективу тоже. Нам здесь сделали 35 га. Вот здесь 35 га. А вокруг, что повыше, — это люди сами сделали. 35 га нам сделали вместо 66. И 10 для прироста, для перспектив... [ПМА 2011].

Сады

Для экономики района, особенно домохозяйств, большое значение всегда имело садоводство. Так, по данным Османова [Османов 2002: 148], в 1980 г. в Хасавюртовском районе отношение площади садов к площади всей пашни составляло 8,8 % и в 1985 — 7,8 %, а в Унцукульском районе 36,2 % в 1980 и 33,9 % в 1985 г. И это, как пишет тот же автор, «принимая во внимание, что в общую площадь пашни горных районов, к которым относится Унцукульский, входят и равнинные прикутаные земли, а сады были сосредоточены в горной части...» [Османов 2002: 148]. Таким образом, в горах доля садов среди пашенных земель была еще выше, чем показывают приведенные обобщенные данные статистики. При этом валовая продукция горного садоводства в денежном выражении в три раза превосходила валовую продукцию земледелия в целом по республике (так, в среднем доход с одного га в ценах 1985 г. составлял 1759 руб. для садов и 552,7 руб. для пашни).

Сады обеспечивали достойный доход, даже работа на стройке ГЭС с хорошей зарплатой не воспринималась жителями района как достойная альтернатива выращиванию и продаже абрикосов. Вот что говорят, например, в Майданском:

Вот здесь такое огромное строительство (Ирганайской ГЭС было). Единицы наших людей были на этой стройке... Единицы работали. Там были хорошие деньги. 180—200—250 рублей в месяц получали. А здесь 30—40—50 рублей (заработка) в совхозе, и свой сад. Обеспечена была на 150 % семья. И машины покупали, и все. За счет этих садов. А сейчас как получилось? Основную часть затопили, а оставшиеся сады заболели. Грибковые заболевания.

Животноводство в Унцукуле менее популярно:

У нас жаркий климат. В горных селах овец держат, а у нас больше козы. В общем на село (Унцукуль. — Д. С.) 2—3 тысячи коз. Раньше много больше было. Старшие, кто этим занимался, многие умерли. Вот

мой дедушка умер, у его дома было 300—400 голов. Он с 15—16 лет чабаном был. Сейчас молодежь не хочет (чабановать)... Например, взял маршрутку хорошую за 180 тысяч, поехал. За день свободно тысячу рублей можно делать. Даже если «откатить налоги», тысячу рублей свободно зарабатываешь. 30 тысяч в месяц, нормальные же деньги. Зачем ему идти чабаном? Зимой и мороз, и дождь, и ветер, и холод, и голод. Зачем ему это нужно? В Буйнакске почти 100 тысяч населения. Ну раньше, до 1945 г., Буйнакск был столицей (в действительности столица республики была перенесена в Махачкалу в 1921 г. — Д. С.) [ПМА 2011].

В Гимрах, наверное, животноводство имеет чуть большее значение, чем в Унцукуле, но все равно главное — сады.

(Кроме садов) ...у нас есть, наверное, человек 10, которые держат скот. У нас нет ни пастбищ, ни сенокоса. Больше нигде земель у нас нет. При кутане там есть хозяйство. Я сказал директору, который числится директором совхоза. Там он и пять-шесть или даже 9—10 человек сейчас. Они в основном тоже сенокосом занимаются. Зимой сено продают здесь оттуда. Больше там тоже ничего нет. И скота совсем мало. Частный, свой скот там держат. Коров, ничего там сейчас не осталось.

Да, козы у нас. Пять-шесть человек, наверное, по 300, по 200. Есть, по-моему, один человек, у которого одна тысяча. А крупного рогатого совсем мало. И очень мало хозяйств, которые этим занимаются. Корова в основном. Для молока. В основном для детей содержат. У нашей соседки, по-моему, 6 штук есть бычков и коров в хозяйстве.

Примерно 1000 рублей в день зарабатывает механик, занимающийся ремонтом автомобилей. В райцентре достаточно активно ведутся строительные работы.

Молодежь у нас не уезжает. У нас здесь есть работа: кто стройкой занимается, кто там государственной работой, а так... (я мансарды делаю).

Да, отделочные работы, там ремонты всякие, санузлы, там все такое. Ну, все стройкой, кто чем занимается. Один кладкой, другой штукатуркой. Один штукатурку умеет делать, другой каменщик, третий электрик... [ПМА 2011].

«Строительный рынок» в Унцукуле внутренний, финансируется всеми остальными видами деятельности — садоводством, инкрустацией и отходничеством.

Другое дело — Балахани. В собственности жителей села есть успешные организации-подрядчики, которые для строительства объектов в Махачкале активно привлекают односельчан.

Многие, но далеко не все хозяйства кроме садов еще хотя бы одного бычка держат на откорм, чтобы зарезать осенью, а так — обрабатывают участки пашни.

Есть хозяйство тоже, огород тоже, конечно. Кукурузу выращиваем, в основном кукурузу. Кто картошку, кто капусту, но в основном кукурузу. У меня кукуруза. Соток 8—10, так вот. Много соток там невозможно. Если Бог даст, дожди будут, мешков 15 (мешок 40—50 кг) с 10 соток (соберем).

Экономического смысла в выращивании кукурузы нет, дешевле покупать пшеницу и муку, но во многих селах Дагестана кукурузу упорно выращивают, причем полеводством заняты преимущественно женщины.

Гимры, второе по величине селение Унцукульского района, тоже живет преимущественно с садов, и здесь потеря садов при затоплении водохранилищем Ирганайской ГЭС чувствуется еще острее, чем в самом Унцукуле, что объяснимо: нет альтернативного заработка от инкрустации по дереву, а самое главное — нет такого количества бюджетных рабочих мест, как в райцентре:

«...Были сады, пропали. В пределах 40—50 га. Люди жили в основном садами».

Таким образом, потеря более 400 га садов, затопленных под Ирганайское водохранилище, оказалась очень болезненной для района, особенно для самого Унцукуля, Гимров, Майданского, Ирганая и еще нескольких сел.

Затопление проходило на фоне нескольких знаковых социальных практик, которые и создали особый контекст. Это «локальная реституция», занижение площади садов, приведшее к потерям компенсаций, и приватизация государственных институтов региональной элитой, что обусловило злоупотребления при распределении тех же компенсаций. Кроме локального контекста имеет значение противоречивый региональный институциональный контекст, включающий глобализацию, купирование светских административных социальных лифтов и стремительное распространение среди молодежи политического ислама салафитского толка.

«Локальная реституция»?

Как только в 1992 г. были ликвидированы колхозы, унцукульцы, по распространенной для садоводческих обществ практике, распределили участки с садами так, как семьи владели ими до коллективизации. В силу вынужденного перерыва в наследовании практически на три поколения, восстановление частной собственности сопровождалось, как и везде, спорами и конфликтами, особенно внутрисемейными. Но в рамках шариатского правоприменения, которое преимущественно действует в Дагестане при решении спорных земельных вопросов между родственниками, эти конфликты в целом вполне разрешимы.

Вот фрагмент беседы, записанный нами в Унцукуле:

И. — 20 соток было у семьи, компенсации родители лет 10 назад получали, чтобы семьей сюда приехать. Много ли, мало — не знаю. Сейчас под воду ушло. Это уже механизм, как и что, по наследству или нет. Как все это выглядит, я не знаю. Я даже не интересовался. Ее мать (жены) оставила ей 20 соток. У нее тоже двое братьев. Один тоже питерский, всю жизнь прожил в Питере. Они тоже получили свою долю. Поделили на троих. Нет, ее мать оставила на троих, поделила землю между ними. Ей (жене) досталось 20 соток.

Соб. — А у матери земля была еще до революции?

И. — Да, получается так. Может, до революции, может, после. Документы есть. Почему нет? Как обычно, документы на землю, что это собственность. Я не вникал в это. Как начнутся чиновничьи игры, я не могу это выдерживать. У нее нервы. Я берегу ее от чужих.

Ремеслом (инкрустация по дереву) восемь лет занимаюсь. До этого — мелкая коммерция. Учился в Питере, в МИСИ, бросил с 3-го курса. Возил «Сникерсы» на Дальний Восток. Там одни зоны. Там тоже жил 3–4 года. Был бизнес, но не пошло. Молодой был. Приехал домой и застрял. Чем еще заниматься? Вот этим [ПМА 2011].

Справедливости ради нужно сказать, что практика «локальной реституции» была применена не везде. Так, в Ирганае участки были распределены поровну.

До 92-го эти (сады) были совхозными. В 92-м году совхоз расформировали. И по решению сельского схода, сельского собрания депутатов мы эти земли распределили между жителями селения Ирганай. Поровну. На то время на одного человека — 18 соток. Считая (приусадебный) участок (и сад, расположенный выше села). У нас было 38 га — приусадебный фонд, 170 с лишним га — совхозный. Мы это все посчитали. Мы же знаем, сколько людей в Ирганае, кому положено. Мы распределили между этими жителями по 18 соток на душу. С учетом плана и приусадебного участка дополнительно мы дали совхозные (земли). С тех пор землепользователями стали все жители селения Ирганай... В (эти 18 соток сенокос и пастбища), конечно, не входили. Чисто сады. Сенокос и пастбища остались... за администрацией. В общественном пользовании. (Таким образом, землю делили не по хозяйствам, а по) людям, включая детей. Почему мы так сделали? ...Земель и садов тоже в Ирганае было достаточно в пожизненном владении, (но нарушилось) право передачи в наследство. Фактически ирганайские сады были в руках людей. В 92-м г. мы эти земли... Тогдашний закон так позволял совхозам и колхозам. Со своей долей любой человек мог выходить. Я был председателем этой комиссии, потому что я в совхозе работал экономистом. Мы распределили эти земли между людьми. Люди так захотели, мы просто так сделали [ПМА 2011].

Занижение урожайности

Разговоры о том, что электричество важнее садов, что в бюджет Дагестана РусГидро платит 800 миллионов налогов в год — не очень убедительное оправдание утраты садов местным населением. 410—420 га садов — это 4100—4200 стандартных участков по 10 соток. Урожайность с сотки, конечно, нестабильная. Но некоторые хозяйства вели учет каждый год, и представление какое-то составить можно. По этим сведениям, как и по специальным актам о замерах урожайности, с одного дерева снимается в среднем от 200 до 500 кг абрикосов.

Магомед (Ирганай, 55 лет) — Урожая в этом году не было. В прошлом году сюда сюда приехали люди с Минсельхоза, с опытной станции. Они оценили, в среднем чисто с моего сада получается 495 кг абрикосов на одну сотку. В прошлом году, если так взять, я где-то 6—7 тонн должен был получать. В этом году 2,5 тонны. До сих пор чуть-чуть осталось. В прошлом году люди оценили, на моем участке получилось 495 с сотки. Если это 16 соток, и на 495 умножить, то это получается 7 с лишним тонн. Если это продать, хотя бы по 50 рублей, смотри какая... Снимая свои затраты, что я там затратил, где-то чистыми 300 тыс. я должен был получать [ПМА 2011].

Получается, по средним цифрам, садоводы могут получать по 5 тонн абрикосов с 10 соток, или 20 тысяч тонн с затопленных 400 гектаров. Даже по 50 рублей за килограмм (столько абрикосы не самого высокого качества стоят на обочине дороги прямо в абрикосовом саду в самый пик сезона, а отборные фрукты в самом начале сезона удается продавать и по 150 рублей за килограмм) — это миллиард рублей в год. Не налогов, конечно. Но зато — живых денег в семейные бюджеты тысяч домохозяйств. Нужно учитывать, что простой сельский житель Дагестана не особенно ощущает личную пользу от налоговых поступлений в бюджет республики.

Больше всего садов потеряли ирганайцы.

У нас затопилось 214,5 га садов. Нам за это дали 10 тыс. рублей за сотку — это упущенная выгода (за один сезон). Сейчас это оценено, наши сады в среднем оценены. Есть оценочные акты на 125 тыс. и на 71 тыс. (за сотку). Эта экспертиза пройдена в Москве.

Эти акты лежат, по-моему, у начальника отдела зоны затопления в районе. И на 10 лет это. И 125 (тысяч рублей). Вроде бы сейчас, начиная со следующего года, в 12—13—14-м годах нам обещают выплатить эту упущенную выгоду. Хотят из (расчета) 125 000 за сотку. Но хотя до сих пор — это только упущенная выгода. Это означает, что с этого дерева мы получаем абрикосы или персики, или что-то еще. Это доход, который мы должны были получать от реализации. А за земли... Восстановление сельхозпроизводства... сельхозугодий. Из ирганайской ад-

министрации уходит 646 га сельхозугодий под воду. Там пастбища, сенокосы, сады — все вместе взятое. Нам за это должны были восстановить гектар за гектар, в натуре. До сих пор ни одного гектара не восстановлено [ПМА 2011].

Таким образом, самый первый источник конфликта — несоответствие суммы компенсации, в лучшем случае покрывающей стоимость урожая за два—три года, перспективным потерям населения. Утраченные сады восстановить невозможно, никаких рентных выплат программа не предполагает.

Неучтенные сады

Водохранилище ГЭС по данным общественных активистов затопило 1800 га земель, в том числе садов, из которых значительные площади не были учтены при расчете компенсаций. В «колхозные» времена было выгодно занижать площади под плодовыми деревьями и иметь либо «высокую» урожайность, за которую можно было получить почетное звание или другие знаки отличия, либо неучтенную продукцию, которую можно было продать через систему потребкооперации или через иные сбытовые схемы.

Так что не только занижение урожая при расчетах упущенной выгоды стало причиной споров о величине причитающихся компенсаций.

При плановом хозяйстве, в горах например, с гектара нужно было давать, например, 10 тонн, а они в документах указывали (один гектар), и прятали в бумагах еще гектар. С каждым годом на 100 килограмм, на 150, на 200 килограмм надо было план выполнять. И они отсюда все и прибавляли. Но этот (запасной гектар. — Д. С.) не проходил (по документам). (Теперь)... когда начали мерить, там уже оказалось не 35 гектаров, а 70. Понимаете? По документам было (всего затоплено Ирганайским водохранилищем) 1000 гектаров, а реально — 1800 гектар. Они (энергетики) хотят за 1000 гектаров платить, а не за 1800 [ПМА 2011].

Более того. Районный центр Унцукуль потерял целый «неформальный» поселок на другом берегу реки и вынужден был принять больше сотни хозяйств земляков в качестве «беженцев». Вот как это получилось.

У Фариды из Унцукуля хранится рукописное завещание отца мужа, в котором он оставил в наследство 10 соток земли около дома, там выращивают кукурузу («делать тесто для хинкала»), из которой делают муку на собственной электрической мельнице. Но было еще 25 соток садов «внизу», на затопленных территориях. И таких семей было больше сотни.

Раньше как было? Там (внизу за рекой. — Д. С.), где у предков земли были, они оставались и зимой и летом. Это земли, которые шли по наследству, на этой территории раньше же транспорта не было и дороги туда не было. (Но сады были хорошие). Многие продавали земли здесь (в селении) и закупали участки за рекой. Определенные люди (группами) собирались, чтобы легче было урожай собирать и там возиться с этим. Транспорта-то нет, дороги-то нет, пешком надо ходить. Там (обосновались) около 150 хозяйств, на той стороне, на юго-западной. Начальная школа тоже там была, библиотека там была, медпункт, магазин, сельский дом культуры — все там было. Там просто мостовой переход был через реку, маленький такой, мотоциклом было можно доехать. На тросах был мостовой переход, а дороги так не было. Урожай тоже через этот мостовой переход они таскали на другой берег реки [ПМА 2011].

Площади садов на «том берегу» занижались в два раза, а домостроения не были должным образом зарегистрированы.

Или, например, у тебя там дом стоял, в этой местности. Они говорят: «Как это, у тебя там дом и здесь дом?» А когда человек умирал, там никого не хоронили, сюда переезжали. Когда женили человека — сюда приезжали. Здесь тоже обязательно должен дом быть, а в основном хозяйство велось там. Когда был образован колхоз имени Саида Алиева, колхоз тоже там был. Вся инфраструктура там была. И колхоз там был, и школа, и дом культуры, и медпункт... Там 150 хозяйств было... Потом, как начали в 70-х годах строить ГЭС, (проводить) изыскательные геолого-разведочные работы, потом в 80-х годах пришлось, все бросив, оставить.

А так каждый знал, где его участок. Каждый собирал урожай со своего участка и сдавал в колхоз. В 60-е годы переформили на совхоз, и там была бригада от совхоза Унцукульского. Колхоз убрали там. Здесь был один колхоз, а там, на той стороне, — колхоз имени Саида Алиева. И кукурузу выращивали, и персики, и яблоки, и абрикосы. В сельском совете было два колхоза. А там сельского совета не было. Очень прибыльный совхоз был. 57 гектаров. Официально. Реально там еще больше, где-то 75—80. Например, у нее (про сестру. — Д. С.) на этой стороне не было и клочка земли, их земли предков там были, у нее все затопило. Она пришла сюда. Я же не буду троюродную сестру выгонять. А мы потеряли уже 80 гектаров земли, а государство нам не дало ни квадратного сантиметра. Они пришли сюда, а здесь-то нет больше земли, она же не тянется, как резина. Те, что там находились 150—200 хозяйств, они к нам прибавились, а земли-то не прибавилось. А то, что ей дали один раз 500 тысяч рублей, у нее же четверо детей, их шесть человек. Сколько в год они будут кушать эти 500 тысяч рублей. Например, у него отцовских владений два дома было, на этой и на той стороне. Ни один не восстановили. И террасы должны делать под вертикальную планировку под строительство, 65 гектаров. А делают только 30 гектаров. А сейчас молодежь около 60 человек бросили на произ-

вол судьбы, на улице остались. Так же многие, которые хотят жениться, дом строить — места нет. За сотку дали 10 тысяч, а сейчас независимые эксперты доказывают, что за сотку надо давать 200—240 тысяч. Сейчас 180 тысяч стоит в Махачкале сотка. А в центре города, где республиканская прокуратура, три сотки стоят миллион рублей. В центре города миллион-полтора миллиона стоят сотки. (Еще по расценкам) 2008 года (нам должны) 9 миллиардов 700 миллионов... не считая восстановления садов, восстановления жилья. Почти 10 миллиардов рублей. А сейчас он (президент) дал заказ на Южный федеральный округ, 7 миллиардов рублей. И то неизвестно, когда это будет и как будет... По шести населенным пунктам (на компенсации претендует) 1500 хозяйств. В (самом) Унцукуле полторы сотни хозяйств, которые были там, внизу [ИМА 2011].

Этот участок на противоположном берегу реки, там, где находилось 150—200 хозяйств унцукульцев и большая часть садов, затопили в 1998 г., когда начали водохранилище наполнять, а первые компенсации, по словам унцукульцев, выплатили в 2005 г.: «(По закону положено) до того, как поднимут в водохранилище воду, окончательно рассчитаться с населением. Кому жилье надо строить, кому сады восстанавливать, кому упущенную выгоду компенсировать». При этом выплатили компенсации не полностью, например, «ему за 10 соток заплатили, а 15 соток еще остаются». Размер компенсации определял какой-то «документ из Москвы», и местные жители считают, что этого слишком мало: «Вот с этого дерева можно собирать 200—300 килограмм, да? А они снизили, 100 килограмм — самое большее с дерева (написали)» [ИМА 2011].

Единицы из жителей Унцукульского района пытаются противостоять системе на основе закона и документов, подтверждающих право собственности на затопленные участки. Один из информантов, настоящий гражданский активист, смог и получить приличную компенсацию, и оформить документально обязательства энергетиков по возмещению стоимости земельного участка и домостроения. Этот юридически грамотный житель Ирганая сумел вовремя получить свидетельство о собственности на свой земельный участок и дом, подлежащие затоплению.

Списки претендентов на компенсацию: естественный прирост

Кроме проблем с занижением стоимости земли и неучтенными гектарами есть еще одна сложность. Строительство растянулось во времени, нерешенные вопросы стали передаваться «по наследству».

А в процессе строительства, например, у него сын родился в 1980-м году, а объект сдавали в 2008 году, уже 28 лет его сыну. А кто ему будет дом строить, раз у него нет земли, нет садов? (Не) предусмотрен прирост... населения.

Заведующий отделом Правительства РД по подготовке зон затопления водохранилищ ГЭС Курбанмагомед Магомедов отмечает, что «с каждым годом аппетиты ряда жителей района возрастают. В 2003 г. в техническом проекте на строительство ИГЭС числилось 979 человек, которым полагается выплата компенсаций. В 2004 г. в списках, представленных главами сельских администраций, значилось уже 1227 человек... При этом в Ирганае построены детский сад, мечеть, центр культуры, проведены коммуникационные сети».

По словам погибшего в 2011 г. главы Унцукульского района Магомедгаджи Тагирова, всего компенсации должны получить 1058 человек, 482 из которых были внесены в списки еще в начале 2000-х, а 576 включены позже судебным решением. В мае 2010 г. распоряжением правительства РД была создана комиссия по проверке достоверности дополнительных списков. «Проверка должна была завершиться еще к концу прошлого года, — говорил тогда Тагиров, — однако она не завершена, и материал до сих пор находится в МВД».

В ответ на многочисленные протесты населения и интеллигенции¹⁵ [ПМА 2011] по поручению правительства Республики Дагестан силами МО «Унцукульский район» составлены дополнительные списки переселенцев. Распоряжением правительства РД от 14 мая 2010 г. № 108-р создана комиссия по проверке достоверности этих дополнительных списков.

Электричество и абрикосы

Ситуация получилась безвыходная, потому что компенсировать затопленные сады новыми участками с высаженными деревьями возможности не представляется — нет земли и нет экономической целесообразности при современных садоводческих технологиях и глобальном рынке инвестировать в террасное садоводство. В принципе это понимают обе стороны конфликта. Позиция администрации и гидроэнергетиков формулируется примерно так:

Главное требование людей — земля. Предоставить ее невозможно: лишней земли попросту нет. Поэтому жителям выделяют денежную

---

¹⁵ Участники Ирганайской археологической экспедиции во главе с Гамзатом Атаевым А. Шихсаидов, М. Агларов, А. Айгумов и М. Гаджиев пытались защищать историческое достояние республики — археологические и этнографические памятники, которые попали в зону затопления. Не помогло.

компенсацию. Из 80 га затапливаемых сельхозугодий в одном из сел, например, осталось компенсировать 30 га. Другое их требование — пожизненная рента — никем не рассматривается. Есть ещё заявка на предоставление электроэнергии по заниженным тарифам (на самом деле люди требуют предоставлять её бесплатно. — *Д. С.*), которая будет рассмотрена. Экологическая же безопасность проекта подтверждена экспертом, кстати, уроженцем этого же района.

С этими тезисами население категорически не соглашается, выплаченные компенсации люди готовы рассматривать только как компенсацию за утраченный урожай, а свое согласие получить деньги объясняют как вынужденное. Приемлемым вариантом считают передачу земли под водохранилище в аренду, что позволит сформировать справедливую ренту в пользу джамаата или частных собственников.

Заместитель генерального директора ОАО «Сулакэнерго» Ахияд Идрисов ключ к расшифровке проблемы видит в дилемме «Абрикос или электричество?» При благоприятной конъюнктуре выращивание абрикоса, по его подсчетам, даёт району налогов не более 4 млн. рублей. ИГЭС при её запуске на полную мощность даст порядка 180 млн¹⁶. По словам Идрисова, только на самой станции работают около 100 унцукульцев, не говоря о стройплощадках. Более того, строители Чиркейгэсстроя обеспечены работой на перспективу, так как планируется строительство каскада ГЭС на Аварском Койсу.

Приведенные в этой статье примерные подсчеты выручки от продажи абрикосов разрушают эту конструкцию. Почти три десятка тысяч растущего населения Унцукуля, Гимров, Балахани, Ирганая и других аулов района не могут прокормиться сотней рабочих мест и довольно виртуальными 180 миллионами налогов. А утрата миллиарда рублей реальной выручки от продажи фруктов при почти стопроцентной самозанятости населения — вот реальная плата за электричество.

Затопление как спецоперация

Проектирование Ирганайской ГЭС проводилось в составе «Схемы использования р. Аварское Койсу», а технико-экономическое обоснование гидроузла было утверждено еще в 1976 г. В техническом проекте была принята проектная отметка НПУ¹⁷ — 547 м, планировалось все работы, включая строительство гидроузла, создание водохранилища и переселение населения завершить за 8 лет. Строительство во-

---

¹⁶ По словам главы МО «Унцукульский район» М. Тагирова, погибшего в 2011 г., «РусГидро ежегодно выплачивает в бюджет Дагестана 800 миллионов рублей в виде налогов...»

¹⁷ Нормальный подпорный уровень.

дохранилища Ирганайской ГЭС началось в 1982 г., с 1990 г. оно перешло в активную фазу. Коллектив Чиркейгэсстроя полностью передислоцировался из посёлка Дубки в посёлок Светогорск, переименованный в том же году в Шамилькалу.

Ограниченное финансирование привело к увеличению срока строительства и, как следствие (выделено мною. — Д. С.), к дополнительным, не предусмотренным сметой затратам, связанным с увеличением численности переселяемого населения [РИА Дагестан 2011].

Уже в августе 1990 г. местные жители осуществили неудачную попытку изгнать из посёлка... гидростроителей. И это при том, что, по официальным данным, с 1982 по 2011 г. было только жилых домов построено для более чем тысячи семей. Какие дома действительно были построены государством, какие государство «купило» у граждан, а какие остались на бумаге теперь установить достаточно сложно.

28 апреля 2008 года республиканская комиссия приняла «Акт по приемке водохранилища Ирганайской ГЭС для наполнения до НПУ» [РИА Дагестан 2011].

Когда летом этого же года уровень воды в водохранилище был поднят до максимальной отметки — 547 метров, под воду ушли сады с урожаем, дома, сельхозугодья.

В газете «Настоящее время» от 12 февраля 2010 г. в статье с характерным заголовком «Ирганайская гидра» Гамзата Изудинова приводится рассказ бывшего агронома ирганайского совхоза Саният Магомедовой:

Зампред правительства РД Ризван Газимагомедов нам обещал, что выше отметки 532 метра вода не поднимется. Однако чиновники нас в очередной раз «развели». Водоохранилище заполнили до уровня 547 метров. Мой дом, сад в 58 соток, все имущество ушло под воду... Будучи агрономом, я как следует ухаживала за садом, и он давал мне годовую прибыль в размере 200—250 тысяч рублей. Новые сады начнут плодоносить только через 10—20 лет... Категорически не согласна с тем, как оценивают наши сады. Но деньги мне пришлось взять, так как не было других средств к существованию [Изудинов 2010].

Семья Саният несколько месяцев жила в палатке — летом 2008 года около села Ирганай образовался целый палаточный лагерь, который журналисты называли и «майданом», и «акцией абрикосовой революции». Протестующих быстро разогнали — параллельно затоплению в районе проходила рекордная по продолжительности (около двух лет) контртеррористическая операция.

Очевидцы рассказывают и показывают любительское видео — как люди эвакуируют домашний скарб на плоту, собирают урожай абри-

косов на лодках и надувных камерах, как плывут по озеру скелеты из размытого кладбища [Изудинов 2010].

При строительстве ЛЭП через Ирганай в 2009 г. протестующих вместе с главой села Запиром Ахмедовым снова разогнали с помощью ОМОНа и груженых «БелАЗов» [Изудинов 2010].

Затопление произошло быстро, почти как спецоперация.

Нет, месяц не предупредили там. Позавчера приехал этот, три дня назад, два дня назад, зампредела правительства... Газимагомедов, собрал всех представителей и сказал: «Пока до последней копейки не будет уплачена вам компенсация, ни капли воды не будем поднимать!» Он уехал, тогда главой стал Ахмедов Казимбек¹⁸, его тоже убрали, убили (потом). Уехал этот Газимагомедов, на третий день человек встает с кровати — уже вода...

Кроме деревьев и целых поселков, вроде Ирганая, под водой оказались и системы водоснабжения селений, системы полива садов и огородов.

Власти пытаются сгладить ситуацию, и, возможно, совершенные ошибки обойдутся значительно дороже и чем упущенная выгода садоводов, и чем предполагаемая прибыль энергетиков.

На развитие социальной и инженерной инфраструктуры Унцукульского района планируется потратить 6990,814 млн. рублей. Деньги предполагается направить на водоснабжение и газификацию сел, строительство школ и спортзалов, ремонт участковых больниц и погашение кредита, планируется построить водоводы к селениям Ашильта и Гимры, а также обеспечить водоснабжение сел Унцукуль и Балахани. Предусмотрено строительство школы в селе Гимры. Также в 2012 г. планируется профинансировать строительство школ в селах Унцукуль, Кахаб-Росо, Балахани, спортзала в Унцукуле. На эти объекты будет выделено 42 млн. рублей. В рамках мероприятий по газификации на 2012 г. предусмотрено финансирование на разработку проектно-сметной документации и строительство объектов газификации сел Аракани и Балахани.

Гражданское общество: от шоколадки до ПЗРК

Борьба с чиновниками за права, прежде всего за компенсации, стимулировала возникновение и развитие в Унцукульском районе того, что иногда принято называть гражданским обществом. Сопровожд-

---

¹⁸ По мнению некоторых экспертов, главу ликвидировали как ненужного свидетеля: «Подписал главный документ — о приемке водохранилища, 9 миллиардов 700 миллионов грохнули. А (нужно же) убрать главного свидетеля. Нет человека — нет проблемы. А ты бы не хотел 10 миллиардов?»

дение судебных исков, написание многочисленных писем в различные инстанции, организация митингов протеста и т. д. Вот, например, как описывают ирганайцы технологию мониторинга постановлений правительства:

С бумагами работаем, с постановлениями. Каждое постановление правительства, которое выходит для решения каких-то вопросов, мы, с помощью секретарей, шоколадок, денег, магарыча, забираем у них копии. Если они что-то скажут, то вот же ваше постановление. Они не выполняют 20 % распоряжений. У них все есть. Все постановления, которые вышли для строительства, для решения вопросов пострадавших переселенцев. Все: 222-е, 186-е, 159-е, 162-е и т. д. Все постановления у меня. Смотрю на них. Если я вру, пускай говорит замглавы. 20 % из этих постановлений они не выполнили.

Выполнили, но все равно... Деньги, которые нам дали за жилье, — 450—500—600 тыс. А фактически проектная стоимость — 1,5—2 млн. Вот так они обманули нас. И обманывают до сих пор. 33 года уже нас мучают. А сведения дают, что у нас все конкретно, отлично, четко.

В районе налажена коммуникация с правозащитными организациями, даже есть профессиональные сопровождающие для правозащитников, которые как гиды в туризме работают по отлаженной программе.

Еще в начале 2005 г. ирганайцы перекрывали дорогу к гравийному карьере, требуя выплат компенсаций за имущество, которое попадает в зону затопления водохранилища ГЭС. В 2008 г., когда водохранилище стали заполнять, а вынужденные переселенцы так ничего и не получили, людям пришлось снова выйти на митинг. Но в очередной раз правительство Дагестана успокоило людей призрачными обещаниями, что к 2011 г. компенсации будут.

Проходит 2011, наступает 2012, а денег до сих пор нет и вряд ли будут, — говорил один из митингующих. — Ни одного рубля в бюджете на будущий год для выплат компенсаций переселенцам Унцукульского района не предусмотрено. Теперь исполняющий обязанности главы района обещает, что деньги будут в 2013 году [Деньги выбьют пикетами 2001].

Ситуация обостряется несчастными случаями. В с. Ирганай 13 августа 2008 г. в результате обвала участка горной породы водохранилища Ирганайской ГЭС погибли четыре человека — Магомедовы Марьям (1986 г. р.) и Рахимат (1988 г. р.) и Магомедовы Асият (1995 г. р.) и Саният (2003 г. р.), упавшие в результате обвала в водохранилище [Гибнут дети 2008].

На гидроэнергетиков оказывается не только общественное давление. Немалые средства, поставленные на кон, стремительно склады-

вающийся в республике рынок насилия, общественное мнение и достаточное количество радикально настроенной молодежи в районе сложились во вполне закономерную систему самоподдержания насильственных практик.

Возможно, в связи с отсутствием приемлемого выхода из ситуации и начался в середине 2000 г. передел сфер влияния в этой области. Контроль над финансовыми потоками, выделяемыми на зону затопления Ирганайским водохранилищем, стал главным ресурсом, за который боролись основные игроки, применяя различные инструменты принуждения к контрагентам.

Достаточно отследить сообщения в республиканских СМИ [Новое дело 2010, РИА Дагестан 2010]:

В начале 2010 года был похищен сын гендиректора ОАО «Сулакский ГидроКаскад» Нурмагомеда Алиева.

22 июля 2010 года похищен главный инженер ОАО «Сулакский ГидроКаскад», на чьем балансе находится Ирганайская ГЭС, Владимир Редькин, освобожден 3 сентября, детали не уточняются.

7 сентября в 22.19, в машинном зале Ирганайской ГЭС, расположенной в Унцукульском районе, возник пожар, который был ликвидирован к утру усилиями местных служб и прибывших из Махачкалы пожарников и МЧС. Позже здесь же было обнаружено взрывное устройство мощностью 10 кг в тротиловом эквиваленте, обезвреженное саперами. 13 сентября 2010 года было совершено покушение на гендиректора ООО «Сулакгидроэнергомонтаж» Магомеда Маликилаева, приходящегося родственником Нурмагомеду Алиеву [Диверсия на ГЭС 2010].

Нужно отметить, что подряды на строительные работы, необходимые энергетикам, тоже распределяются не на открытом рынке и являются вполне ощутимым ресурсом, за который ведется политическая и силовая борьба.

Новейшая история Унцукульского района — это история непрерывного насилия.

С началом вторжения в Дагестан НВФ из Чечни в августе 1999 г. начался отсчет незатухающей напряженности в Унцукульском районе. Многие уроженцы района участвовали в чеченских войнах на стороне сепаратистов. Вернувшись в конце 90-х в родные места, они во многом определили последующую непростую ситуацию в районе и в республике в целом.

Представители Унцукульского района приняли активное участие в событиях по захвату Дома Правительства РД в мае 1998 г.

По мнению участников событий, центр религиозного сопротивления переместился после войсковой операции в Кадарской зоне на территорию Унцукульского района. И в последующие годы участие бое-

виков из Унцукульского района в акциях террористической направленности, особенно в Махачкале, стало заметным явлением.

Основной темой муниципальных выборов в Унцукульском районе всегда являлось недовольство населения ситуацией с выплатой компенсаций за затопленные земли.

Политическое влияние в районе конвертируется в доступ к огромным ресурсам, выделяемым на строительство ГЭС.

В Унцукульском районе на территории сёл Гимры и Балахани и при Муху Алиеве, и при Магомедсаламе Магомедове неоднократно проводились контртеррористические операции с целью ликвидации гимринско-балаханинской диверсионно-террористической группировки, которая, по общему мнению, является одним из самых дерзких и дееспособных подразделений экстремистского подполья.

Некоторые эксперты говорят, что селение Гимры было в состоянии за 40 минут выставить около 400 человек, вооруженных и хорошо подготовленных к ведению боевых действий в горах.

Пропавший в ноябре 2011 г. Расул Магомедов, отец Мариям Шариповой, которая как террористка-смертница подорвалась 29 марта 2010 г. в московском метро, являлся жителем села Балахани.

Главу села Балахани, Расула Якубова, задерживали вместе с сыновьями и держали в Кировском РУВД города Махачкала.

С сентября 2011 г. в Унцукуле нет руководителя района. Так, например, до сих пор не принят бюджет на 2012 г.

Выводы

На данном этапе исследований невозможно со всей однозначностью установить причинно-следственные связи между социально-экономическим контекстом и политическим кризисом в Унцукульском районе. Можно только в общих чертах описать этот контекст.

Во-первых, жители района, жившие садоводством, одновременно столкнулись с конкуренцией на глобальном рынке, разрушением существовавших при Советском Союзе торговых цепочек и изменением ценовой конъюнктуры — закупаемые промышленные и строительные товары поднялись в цене, а отпускные цены на фрукты понизились.

Во-вторых, практически одновременно садоводческие участки были затоплены водами Ирганайского водохранилища, что лишило местное население большей доли земельных ресурсов, причем не только под сады и огороды, но и под жилищное строительство.

В-третьих, в силу экономически благоприятной ситуации при «колхозном строе», высокого уровня религиозности и, возможно, других институциональных особенностей сообществ района (таких, например, как трудно перемещаемый в город промысел насечки металлом по дереву) унцукульцы не стремились мигрировать в города.

В-четвертых. Ввиду малого количества унцукульцев в Махачкале и, видимо, в силу других причин, полностью описать которые сложно, в составе республиканской административной элиты практически не оказалось выходцев из района, а уровень миграции в город среди жителей селений Гимры, Балахани, Ирганай, Майданское, самого Унцукуля представляется одним из самых низких по Республике Дагестан. Отсутствие высокопоставленных земляков почти по принципу отрицательной обратной связи повлияло на дальнейшую миграцию горцев района на равнину и в Махачкалу.

В-пятых, компенсации за земли, ушедшие под воды Ирганайского водохранилища, с одной стороны, были искусственно занижены и не позволяли мигрировать на плоскость¹⁹, с другой — ожидание справедливых выплат, о которых власти постоянно говорят, удерживает население в горах.

В-шестых, огромные финансовые ресурсы, оказавшиеся в распоряжении районных чиновников и администрации ГЭС, стимулировали развитие «рынка насилия» в районе.

В-седьмых, манипуляции с компенсациями и описанная в данной статье несправедливость как при определении сумм, так и при назначении получателей, привели к развитию мощного социального протеста. Этот протест не только инициировал формирование целой страты гражданских активистов, но и стимулировал религиозную радикализацию населения. Настроение жителей района создает условия не только для существования не только значимой группы мусульман салафитского толка, но и для криминализации некоторой части населения.

Можно говорить, хотя еще и недостаточно подробно, о том, что, например, «гимринская группа» является неизбежным ответом социальной среды сообществ района, с одной стороны, на политическую и экономическую дискриминацию, с другой — на поступление значительных средств на рынок насилия. Большое значение при этом имеет институциональное купирование миграции и наличие в районе нескольких тысяч молодых, безработных, практически бессемейных, дееспособных и легко мобилизуемых мужчин.

Литература и источники

Бобровников 2002: *Бобровников В. О.* Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М.: Вост. лит., 2002 (цит. по: Олейников Д. И. Шамиль // Родина. М., 2000. № ½. С. 64). С. 5—7.

¹⁹ Основные выплаты осуществлялись уже после того, как «планы» в Махачкале существенно подорожали.

В ночь с 10 на 11 октября 2005: Черновик № 40. 14.10.2005. <http://www.chernovik.net/news/118/REPUBLIC/2005/10/14/6257>

Гибнут дети 2008: *Магомедов М.* Гибнут дети: Черновик № 33. 15.08.2008. <http://www.chernovik.net/print.php?new=7400>

Гимринский синдром 2012: *Магомедов А.* Гимринский синдром: Черновик № 11. 23.03.2012. <http://www.chernovik.net/news/484/News/2012/01/20/13013>

Грозовые тучи 2010: *Магомедов А.* Грозовые тучи над Койсубулинским ущельем: Черновик № 39. 08.10.2010. <http://www.chernovik.net/news/410/REPUBLIC/2010/10/01/11065>

Деньги выбьют пикетами 2011: *Адамова Р.* Деньги выбьют пикетами // Новое дело. 2011. 18 окт. № 42. http://www.ndelo.ru/one_stat.php?id=5835

Диверсия на ГЭС 2010: *Магомедов А.* Диверсия на ГЭС: Черновик № 36. 17.09.2010. <http://www.chernovik.net/news/407/News/2010/09/17/10990>

Изудинов 2010: *Изудинов Г.* Ирганайская Гидра // Настоящее время. 2012. 12 февр. № 5.

Карпов, Капустина 2011: *Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л.* Горцы после гор: Миграционные процессы в Дагестане в XX—начале XXI в.: их социальные, этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011. С. 146—163, 163—198, 212—281.

Лица другие 2005: *Шахбанов М.* Лица другие, сценарий тот же: Черновик № 7. 25.02.2005. <http://www.chernovik.net/news/80/REPUBLIC/2005/02/25/4189>

Османов 2002: *Османов М.-З. О.* Хозяйственно-культурные типы (ареалы) Дагестана в советскую эпоху: закономерности развития и трансформации, вымывание традиционных форм. М.: Наука, 2002. С. 148.

РИА Дагестан 2011: РИА «Дагестан». 14.06.2011.

Северный Кавказ 2011: *Стародубровская И. В., Зубаревич Н. В., Соколов Д. В., Интигринова Т. П., Миронова Н. И., Магомедов Х. Г.* Северный Кавказ: модернизационный вызов. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2011. С. 254—268.

Полевые материалы автора (ПМА)

ПМА — Полевые материалы автора, собранные в Унцукульском, Гунибском, Карабудахкентском районах Дагестана и в Махачкале в 2010, 2011, 2012 гг., а в Унцукульском районе также в 2011 г. совместно со Стародубровской И. В.